

Евгений ЕВСТИГНЕЕВ

— Кинозритель видит в вас комического актера...

— Ну какой я комический актер? Вот Никулин, Леонов — это действительно комические актеры от бога. Леонов когда засмеется — эпидемия смеха начинается. С Никулиным на одной площадке вместе сниматься нельзя — у осветителей лампы лопаются от хохота окружающих. Такой актер может все. Границ амплуа у него нет. Это великолепно доказал тот же Юрий Никулин фильмами «Ко мне, Мухтар!» и «Когда деревья были большими».

— Однако многие ваши герои заставляли зрителя смеяться.

— Смех способен выразить крайние чувства — и любовь, и ненависть. Он может быть острейшим оружием. Но этой-то остроты, по-моему, не хватает последним современным комедийным сценариям. Для меня первый признак серости, посредственности драматургического материала — когда он не ассоциируется с жизнью. Человек сидит в зале и думает: это все, конечно, хорошо, но не про меня, я таких людей не знаю, — значит, комедийное оружие выстрелило вхолостую.

— Что же, по-вашему, определяет успех современной комедии?

— По-моему, мы единодушны в своей любви к фильму «Берегись автомобиля». Безусловно, во многом успех картины определил ансамбль актеров. Но главное, по-моему, — все-таки столкновение доброго, щедрого отношения к жизни с пошлостью, жульничеством, приспособленчеством. Точность темы придавала конкретность актерским работам, ту конкретность, которая соединилась с уничтожающим смехом. Представляю, каково было тем, кто узнавал себя в образах этого фильма. Я играл здесь небольшой эпизод. Но и он

был интересен. Тупость, возомнившая себя талантом, — явление, к сожалению, еще знакомое. Смех был порожден моей злостью.

Другой фильм — «Добро пожаловать...», где я играл начальника пионерского лагеря Дынина... Я решал этот образ, обращаясь прежде всего к своему жизненному опыту. Когда хочу понять человека, стараюсь посмотреть на мир его глазами. У героя «Добро пожаловать...» с людьми не двусторонняя, а односторонняя связь — в этом его убожество, ничтожность. Или «Зигзаг удачи». Там у меня герой — уникум, он никогда ни в чем не сомневается. Дынин хоть беспокоится, чувствует, что не на своем месте, а этот как упрется — не переубедишь, хоть тресни. Против таких людей чувствую хорошую злость, потому уверен, что буду работать с полной отдачей.

Весь разговор я веду к тому, что по-настоящему смешное в искусстве должно строиться на конкретных ассоциациях. А когда этих ассоциаций нет и начинаются режиссерские предложения — встаньте на голову, состройте вот такую гримасу, вдруг смешно получится, — это уже все, по-моему, за пределами искусства.

А вообще я уверен, что о самых серьезных вещах можно сказать легко, смеясь...

Лит. газ., 1972, 17 мая № 20,
с. 8